

В глубине ущелья Дуаньлун, на каменной площадке, зажатой между тремя отвесными скалами, воздух был густым и вязким, словно застывший жир.

Серые, изрезанные трещинами скалы безмолвно возвышались вокруг, источая первобытный дух, пропитанный дыханием веков. Неподалеку с грохотом бурлил мутный горный поток, поднимая водяную взвесь, в которой смешались запахи сырой земли и ржавчины.

В центре площадки, словно забытый в бесконечном потоке времени страдающий исполин, замерла древняя камфора. Ее узловатые ветви переплелись в мучительных изгибах, а потрескавшаяся кора, казалось, была пропитана давно засохшей темно-алой кровью.

Концентрированная кровавая аура, копившаяся здесь невесть сколько лет, окутывала каждый дюйм дерева. Эта злоба пробуждала в сердце самые первобытные инстинкты — жажду насилия и убийства, из-за чего вся площадка оказалась зажата в тиски удушающего давления.

Слабый отблеск духовной сущности дерева, затерянный в этом океане ненависти, мерцал, словно фитилек лампы, готовый погаснуть от любого порыва ветра. В этом мерцании чувствовались глубокая боль, изнеможение и едва уловимое, почти погребенное под толщей тьмы упорство — желание защитить это место.

— Какая тяжелая аура зла... — Лу Чэнь нахмурился, его золотистые глаза остро осматривали остатки ржавого оружия под деревом и темные пятна, въевшиеся в каменные трещины. Царящая вокруг жажда убийства заставляла божественную силу Небесного императора в его жилах тревожно пульсировать, вызывая инстинктивное отторжение. Он взглянул на Цзян Яня: — Боюсь, эта обитель мертвых копила свою ненависть не одну тысячу лет. Очистить ее будет не легче, чем сразиться с проекцией Небесного Демона.

Цзян Янь промолчал.

Он стоял в нескольких шагах от камфоры. Его фиолетовые глаза пронзили густую кровавую дымку, намертво зафиксировавшись на крошечном, но удивительно стойком белом огоньке духовности в самой сердцевине дерева. Он медленно поднял правую руку и раскрыл ладонь.

Никаких сотрясающих небо и землю эффектов — лишь чистейший, пробирающий до костей лазурный холод, беззвучно хлынувший из его ладони. Этот холод превратился в бесчисленные тончайшие нити, мерцающие ледяными рунами, которые бесшумно и точно вонзились в многострадальный ствол камфоры.

Сссс!

В одно мгновение огромный ствол дерева сотрясся в неистовой конвульсии! Тяжелая темно-алая аура, покрывавшая его, словно потревоженная ядовитая змея, пришла в ярость, зашипела! Психический удар, порожденный древним полем брани и переполненный бесконечной ненавистью, обрушился на Цзян Яня подобно цунами!

Цзян Янь слегка качнулся, и в глубине его фиолетовых глаз вспыхнуло яркое пламя!

Левой рукой он молниеносно сложил сложную печать Юомина и прижал ее к собственному лбу! Сверху обрушилась еще более величественная и ледяная воля — абсолютная воля Великого Императора Фэнду, способная повелевать мириадами душ и подавлять любую скверну!

— Усмирить!

Невидимый психический удар врезался в этот ледяной барьер, словно в вечный ледник, и мгновенно рассыпался на куски! А нити лазурного холода, которыми управлял Цзян Янь, не обращая внимания на неистовое сопротивление злобы, принялись с хирургической точностью отсекал и отделять скверну от ядра духовности дерева.

Серо-черная аура и кровавые сгустки под воздействием холода начали издавать пронзительный шипящий звук, быстро серели, замерзали и, наконец, рассеивались черным дымом!

Камфора задрожала еще сильнее, ветви неистово закачались, издав скрип, похожий на стон мученика. Но тот крошечный чистый белый огонек в самом сердце дерева, освободившись от слоев грязи, начал сиять все ярче и отчетливее!

Защита! Чистая, непреклонная воля к защите!

Оно отзывается! Оно пробуждается!

Лицо Цзян Яня на глазах стало бледным, на висках выступили капли холодного пота.

Принудительное очищение от столь колоссальной, тысячелетней кровавой скверны давалось ему нелегко. Однако его взгляд оставался холодным и непоколебимым, исполненным абсолютной сосредоточенности и власти. Лазурные нити холода, словно верные солдаты, твердо исполняли свою миссию.

В тот миг, когда последняя упорная нить алой крови была заморожена, отделена и уничтожена —

Вжух!

Огромный ствол камфоры издал низкий, долгий гул!

Этот звук больше не был стоном боли — он походил на вздох того, кто слишком долго спал и наконец сбросил оковы. Ветви замерли, а хотя темно-алые пятна на коре не исчезли до конца,

они утратили свою пугающую злобу, превратившись в обычные следы истории.

Свежая, мощная волна духовности, наполненная жизненной силой и стойкостью горного камня, хлынула из самого сердца дерева, мгновенно очищая всю площадку!

Тот самый белый огонек, за которым следил Цзян Янь, теперь превратился в сияющий шар размером с кулак, излучающий мягкий изумрудный и золотисто-желтый свет. Он медленно вращался в сердце камфоры, пульсируя радостью возрождения и облегчением.

Получилось!

Духовность очищена, истинная природа пробуждена!

Золотистые глаза Лу Чэня вспыхнули. Он сделал шаг вперед, встав плечом к плечу с Цзян Янем перед обновленным деревом.

Он сложил пальцы правой руки мечом, и на кончиках заискрился слабый, но полный небесного величия золотой электрический разряд.

— Именем моим, Нефритового Императора Золотого Чертога Хаотянь —

Голос Лу Чэня, хоть и охрипший, звучал с непререкаемым властным повелением. Он уже готов был призвать законы мироздания:

— Приказываю этим горам, вернитесь к истокам божественного сана!

Холодный и твердый голос без предупреждения подхватил его слова!

Это был Цзян Янь!

В тот самый момент, когда Лу Чэнь открыл рот, он одновременно поднял левую руку!

В его ладони плясала не энергия Юомина, а сложная руна, сплетенная из чистейшей силы законов преисподней, по которой струились темно-золотые узоры. Эта руна излучала странное свечение, которое по своей сути было идентично указу Лу Чэня, но при этом несло в себе тяжесть девяти кругов перерождения!

Лу Чэнь резко повернул голову, с изумлением глядя на Цзян Яня! Его золотые глаза были полны неверия. Цзян Янь... добровольно разделил бремя указа?!

Цзян Янь, поддерживая левой рукой руны закона Юомина, а правой продолжая удерживать

нити холода, ледяным взглядом посмотрел на Лу Чэня и отрывисто произнес:

— Соединяй!

Лишние слова были не нужны! Лу Чэнь мгновенно понял его замысел!

Подавив бурю в душе, он наполнил взгляд невиданной решимостью! Тот золотой разряд на кончиках его пальцев, который он с таким трудом удерживал, перестал попытками в одиночку начертать руну указа и превратился в поток чистой энергии, без колебаний устремившись в ладонь Цзян Яня, в руну закона Юомина!

Бум!

Гул, во много раз более мощный и ясный, чем прежде, прокатился по ущелью Дуаньлун! Казалось, само спящее горное хребты пробудились от императорского повеления!

Руна в ладони Цзян Яня, впитав в себя законы Юомина и волю Небесного императора, мгновенно вспыхнула ослепительным светом! Это было уже не золото и не лазурь, а странное, хаотичное сияние, в котором слились воедино золотой, синий и желтый цвета!

Свет, словно обладая собственной волей, под руководством Цзян Яня превратился в плотный луч, несущий высшую силу переустройства законов и наделения жизнью. Он вонзился в ядро камфоры, точно запечатлевшись на том самом юном духовном сгустке!

Грохот!

Весь Дуаньлун задрожал!

Крутые скалы по бокам издали глухой гул, с них посыпались камни! Мутный горный поток внезапно стал прозрачнее, а в его шуме слышались радостные нотки!

Огромный ствол камфоры купался в трехцветном сиянии. Трещины на коре затягивались на глазах, а на узловатых ветвях пробивались нежно-зеленые почки!

Мощная, тяжелая сила порядка, способная перестраивать горы и реки и укреплять земные жилы, подобно пробудившемуся дракону, хлынула от камфоры во все стороны!

Дикость, гнетущая тяжесть и кровавая аура, копившиеся в ущелье тысячу лет, под этим напором новой силы растаяли, словно снег под лучами солнца! На их месте воцарилось спокойствие, величие и жизненная сила, свойственные великим горам.

Свет медленно угас.

Камфора по-прежнему стояла на своем месте, но ощущение от нее было совершенно иным. Она больше не была страдающим деревом, опутанным ненавистью — она стала стражем гор, который, пройдя через все невзгоды, наконец сбросил свой тяжелый груз и обрел новую жизнь.

На стволе, в самом сердце дерева, четко проступила сложная и величественная печать горного бога, сотканная из трех цветов, излучающая мягкое и стойкое божественное сияние.

Свершилось!

Горный бог наделен саном, земные жилы вернулись к истоку!

Лу Чэнь смотрел на новую печать, ощущая под ногами невиданную прежде твердь и пульс жизни, а затем перевел взгляд на стоявшего рядом Цзян Яня. Тот был бледен, но держался прямо, а в глубине золотистых глаз Лу Чэня бушевала целая гамма сложных чувств — шок, благодарность и что-то еще, невыразимое... трепет.

Поступок Цзян Яня, добровольно разделившего с ним указ, упал в его пересохшее сердце, словно раскаленный камень в глубокое озеро.

Цзян Янь медленно опустил руки, и окружавшая его резкая холодная аура постепенно угасла.

Он слегка перевел дыхание, фиолетовые глаза скользнули по печати горного бога, затем по ожившей камфоре и прояснившемуся ущелью. В глубине его холодных глаз на мгновение промелькнуло нечто, похожее на удовлетворение.

— Уходим.

Сказав это, он развернулся и зашагал обратно, словно только что совершенное деяние было лишь пустяковым делом.

Лу Чэнь посмотрел на его удаляющуюся спину, затем на новую священную камфору, и уголки его губ медленно поползли вверх в искренней, радостной улыбке.

Он сделал несколько быстрых шагов, догоняя Цзян Яня. Его золотые глаза сияли, тон был легким, словно с плеч свалилась тысячепудовая тяжесть, а в конце фразы проскользнула едва уловимая лукавая нотка:

— Эй, Цзян Янь, а ведь неплохо мы сработались! Похоже, наш с тобой тандем дает отличный результат! Давай и впредь жаловать божественные саны так же, как сейчас? Чтобы мне не приходилось постоянно харкать кровью, а тебе не приходилось на это смотреть с жалостью, а?

Ответом ему был лишь ледяной взгляд Цзян Яня и безэмоциональное:

— Заткнись.

Только в этот раз Лу Чэнь чутко уловил, что в холодном голосе Цзян Яня стало чуточку меньше той колючей отстраненности, что обычно держала всех на расстоянии.

<http://bllate.org/book/18859/1839915>